

TO

Счастье-
то
какое!

В ПРОЗЕ И СТИХАХ

СОСТАВИТЕЛЬ МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ

РЕДАКЦИЯ

ЕЛЕНЫ ШУБИНЫ

Издательство

АСТ

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С93

Составители *Майя Кучерская, Алла Шлыкова*

Художник *Андрей Рыбаков*

Издательство благодарит литературные агентства
“Banke, Goumen & Smirnova” и “Elkost Intl”
за содействие в приобретении прав

Счастье-то какое! В прозе и стихах / Сост. Майя Кучер-
С93 ская, Алла Шлыкова. — Москва : Издательство АСТ : Редак-
ция Елены Шубиной, 2018. — 429, [3] с. — (Русский рассказ).

ISBN 978-5-17-107201-8

«Милости просим. Заходите в пестрый мир нового русского сча-
стья... Вы и сами не заметите, как в погоне за его призраком окажетесь
в сладком уединении, в чужом городе — однако ненадолго; как поколо-
тите замучившего всех гада, как будете ждать рождения нового человека,
как встретите брата из армии, жадными ложками будете глотать свадеб-
ный торт, запивая испанским хересом, — словом, заживете жизнью ге-
роев всех помещенных в сборнике историй».

В сборник вошли новые рассказы известных писателей (Н.Абгарян,
М.Степновой, А.Гениса, М.Москвиной, Е.Бабушкина и многих дру-
гих), стихотворения М.Степновой, К.Капович, П.Барской, С.Ганд-
левского, Л.Оборина, Д.Воденникова, Д.Быкова, а также лучшая про-
за выпускников Школы литературного мастерства “Creative Writing
School”.

**УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-107201-8

© Н.Ю.Абгарян, Е.А.Бабушкин,
П.Ю.Барская и др., 2018.
© Составление, оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2018.

Содержание

Майя Кучерская	Счастливо значит долго	7
Дмитрий Быков	Счастье	15
Марина Степнова	Эфир	19
Наринэ Абгарян	Ангелы	37
Марина Вишневецкая	Что есть счастье	49
Анна Матвеева	Ида и вузельта	57
Ксения Букша	Я – Максим	75
Катя Капович	Бабочка огонь перелетела	89
Евгения Некрасова	Лакшми	93
Сергей Носов	Судьба	117
Ирина Жукова	На счастье	125
Полина Барскова	Вещь, полезная для злых и добрых	133
Тимур Валитов	Новая земля	137

Сергей Шаргунов	Ты – моя находка	147
Дмитрий Воденников	Повторяй за мной	159
Евгений Водолазкин	Детский сад	163
Сергей Гандлевский	Счастье есть	175
Татьяна Кокусева	Дерись!	181
Ярослава Пулинович	Кредит	191
Игорь Сахновский	Аленький цветочек	219
Екатерина Златорунская	Голубое или розовое	227
Алексей Слаповский	Новая жизнь	237
Михаил Кузнецов	Мне не страшно	289
Лев Оборин	Движение по прямой	307
Евгения Костинская	Совы на руках	311
Мария Степанова	Золотое зеркало	319
Александра Шевелева	Шопен	325
Яна Вагнер	Один нормальный день	331
Евгений Бабушкин	Сказка про серебро	355
Матвей Булавин	Безмятежность	361
Марина Москвина	Глория мунди	377
Александр Генис	Уколы счастья	417
Об авторах		426

Майя Кучерская

Счастливо значит долго

Вместо предисловия

Известный историк раннего кино Юрий Цивьян ввел замечательное понятие: *Russian endings*, русские финалы. Цивьян обнаружил: фильмы, сделанные в России и рассчитанные на нашу аудиторию, обычно завершались трагически, но в тех же самых фильмах, предназначенных на экспорт, конец нередко изменялся с печального на счастливый. Русская версия картины «Рукою матери» Якова Протазанова, например, венчалась гибелью героини и гробом, американская — неожиданным спасением бедной Лидочки.

«Несчастные» русские финалы в черно-белом кино стали логичным продолжением печальных финалов, отлично освоенных русской литературой. Начиная с «Бедной Лизы» Карамзина, русская словесность исполняла нескончаемую погребальную песнь по счастью, из романа в роман, из пьесы в пьесу оплакивая раннюю смерть или гибель героев, заламывая руки над абсолютной невозможностью любить любимых и никакими силами неотменимой нуждой оставаться с постылыми. Исключения, редкие и словно бы случайные, только усиливали этот общий поминальный настрой.

Мая Кучерская

Хеппи-энд — это не про нас, русская литература лучше всего умеет рыдать. Изредка строить утопии из алюминия и стекла, смешные и нежизнеспособные. В крайнем случае рассказывать об озарениях, которые вполне заменяют пережившим их героям счастье; а поскольку к этому особенно склонны лучшие наши авторы, то прозрения в русской прозе получаются действительно сильными. Живой колеблющийся глобус Пьера Безухова, звездное небо Алёши Карамазова, не говоря уж о небе с ползущими облачками Андрея Болконского. Но и это почти всегда — довольно странное счастье, как правило, полученное ценой довольно ощутимых утрат.

Неужели описание полноценного, спокойного счастья — действительно экзотика для русской литературы? Неужели счастье на русском языке невозможно? Так думала я каждый раз, открывая очередной русский роман и замирая: может быть, здесь?

Вот очередной. Герой влюблен, очарован, наконец-то он дозрел до подлинной глубины чувства, и вот он гуляет в любовной горячке вокруг *её* дома, тут и *она* выходит в сад. Они сталкиваются.

Повезло-то! Встретил в полночь ту самую, о которой мечтал, вот она перед тобой, в ночном саду, выкрикни ей поскорее: люблю! А он выкаркивает, выхаркивает, еле-еле:

«— Я не думал прийти сюда, — начал он, — меня привело... Я... я... я люблю вас, — произнес он с невольным ужасом».

С ужасом. Еще бы, наконец-то влюбился всерьез, может ли быть что-то ужаснее?

Что же она? Рада, улыбается ему? Разумеется, нет! Тоже ужасается и плачет. Юная, красивая, ясная вступает в рассвет своей женской жизни, полюбил добрый, порядочный, благородный человек, чего ж еще? Но нет.

«Он встал и сел подле нее на скамейку. Она уже не плакала и внимательно глядела на него своими влажными глазами.

— Мне страшно; что это мы делаем? — повторила она.

— Я вас люблю, — проговорил он снова, — я готов отдать вам всю жизнь мою.

Счастливо значит долго

Она опять вздрогнула, как будто ее что-то ужалило, и подняла взоры к небу.

— Это всё в божьей власти, — промолвила она.

— Но вы меня любите, Лиза? Мы будем счастливы?

Она опустила глаза; он тихо привлек ее к себе, и голова ее упала к нему на плечо... Он отклонил немного свою голову и коснулся ее бледных губ».

«Дворянское гнездо» Тургенева. Вместо сцены обретения полноты — сцена почти изнасилования. Изнасилования счастьем, которое тургеневским девушкам не нужно даром.

И не только тургеневским. Один знаменитый роман целиком теме счастья посвящен.

Вот Анна Каренина возвращается из Москвы, где ей удалось помирить Долли и Стиву, параллельно расколдов мир Кити и навсегда пленив Вронского. В поезде Анна читает роман. Это английский роман. Ей хочется жить жизнью его героев, делать все то же, что они, — ухаживать за больными, скакать на лошади. Но чем дальше, тем Анне делается беспокойнее.

«Герой романа уже начал достигать своего английского счаствия, баронетства и имения, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого. Но чего же ему стыдно? «Чего же мне стыдно?» — спросила она себя с оскорблением удивлением. Она оставила книгу и откинулась на спинку кресла, крепко скав в обеих руках разрезной ножик. Стыдного ничего не было».

Было, было стыдное! Счастье. Счастье стыдно. Тем более английское, оскорбительно низкое, материальное, с баронетством и имением.

Потому и Вронский, добившись, наконец, от Анны того, чего желал цепкий год, восклицая, что она жизнь его, что теперь достигнуто именно оно (о наконец-то!), счастье, слышит в ответ:

«Какое счастье! — с отвращением и ужасом сказала она, и ужас невольно сообщился ей. — Ради бога, ни слова, ни слова больше».

Мая Кучерская

В осуществлении желания, в соединении двух любящих людей один только ужас, отвращение. Но имение Воздвиженское Вронский и Анна, подобно героям читанного в поезде романа, все-таки обустраивают, и на английский манер, с щегольством и роскошью; Анна даже признается приехавшей к ней в Воздвиженское Долли, что «счастлива до неприличия». Впрочем, и это вскоре обернется мороком, самообманом, а там и «угасшей свечой».

Вот и разгадка феномена русских финалов. Вот почему вскоре тот же закон переместился в кино. Русские по-другому не понимают и не чувствуют. Так что когда американцы и европейцы под титры ликовали, радовались соединению возлюбленных, внезапному наследству, прощению, преображению, освобождению героев от всех бед и невзгод, русские испытывали катарсис, наблюдая, как главный герой умирает, а любящие друг друга люди разъезжаются навсегда. В мгновение счастья обязательно заколачивался гвоздь.

Формула этой любви скрыта в стихотворении Батюшкова, посвятившего свой текст как раз Аркадии счастливой и жившей в ней пастушке.

Подруги милые! в беспечности игривой
Под плясовой напев вы рéзвитесь в лугах.
И я, как вы, жила в Аркадии счастливой;
И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минутны радости вкусила:
Любовь в мечтах златых мне счастье сулила;
Но что ж досталось мне в прекрасных сих местах?
Могила!

Но, вопреки очевидному, мне отчего-то по-прежнему хотелось прочитать, наконец, историю на русском языке — о счастье, не лубочном, не украденном на два часа, а глубоком, долгом, свободном, безбрежном, без крышек и могил. И пусть любимый русскими авторами механизм, который они ошибочно связывали кто с христианской системой ценностей, кто с закона-

Счастливо значит долго

ми бытия — «счастье надо заслужить», — наконец хряпнет и сломается, потому что он ложь, обман, сужение бесконечности неба. Ничего не надо заслуживать. Бог милостив. Радуйся и веселись. И еще мне хотелось понять, какое же оно, наше русское счастье сейчас, сегодня, в XXI веке. При каких условиях и в каких пределах возможно.

Так и родился этот сборник.

Вместе с Редакцией Елены Шубиной мы попросили современных авторов написать рассказ или эссе про счастье. А чтобы картина получилась полноцветной, обратились не только к известным, но и совсем к молодым писателям, в том числе выпускникам литературной школы Creative Writing School, которой я руковожу. Нам подумалось, может быть, у непоротого поколения со счастьем дело обстоит иначе? И конечно, пригласили поэтов.

И — поразительно! — получилось.

Легче всего про счастье говорить, разумеется, стихотворцам. Им же не говорить — петь, курлыкать, а поется про счастье проще.

Однако и многие авторы прозаических текстов рассказали о счастье так, как, кажется, прежде о нем не говорили.

Милости просим. Заходите в пестрый мир нового русского счастья вместе с нами. Вы и сами не заметите, как в погоне за его призраком окажетесь в сладком уединении, в чужом городе — однако ненадолго, как поколотите замучившего всех гада, как будете дышать паром в гладильной туберкулезного диспансера, как с перехваченным от ужаса горлом будете ждать рождения нового человека, как испытаете отчаяние перед входом в детский сад, встретите брата из армии, жадными ложками будете глотать розовый свадебный торт, запивая испанским хересом, — словом, заживете жизнью героев всех помещенных в сборнике историй и из всех переделок внезапно вынырнете счастливым. Потому что эти рассказы действительно про счастье. Даже удивительно, как всем авторам удалось передать это ощущение, ощущение реальности и абсолютной возможности счастья. Может быть, секрет здесь в множественности этих возможностей.

Майя Кучерская

Счастье — это когда ты живой. Ешь борщ из щавеля, смотришь красивый фильм, дышишь. Потому что жизнь — трудная, сплетенная из разлук, боли, утрат — дар.

Счастье — это когда ты взрослый и отвечаешь за себя.

Счастье — это движение вперед.

Счастье — это когда ты спокоен.

Счастье — это внутренняя трезвость.

Счастье — когда ты любишь, ну, конечно.

Счастье — это иногда укол, мгновение, но оно может оказаться длиной в жизнь, оно запросто может стать синонимом «долго», да-да, как совсем в другом варианте русского финала: жили они долго и счастливо.

Счастливо = долго.

*Счастье-то
какое!*

Дмитрий Быков

Счастье

1.

Старое, а в чем-то новое
чувство начала февраля,
Небо серое, потом лиловое,
крупный снег идет из фонаря.

Но ясно по наклону почерка,
что всё пошло за перевал,
Напор ослаб, завод кончился,
я пережил, перезимовал.

Лети, снег, лети, вода замерзшая,
посвети, фонарь, позолоти.
Всё еще нахмурено, наморщено,
но худшее уже позади.

Дмитрий Быков

И сколько ни выпади, ни вытеки —
все равно сроки истекли.

(Я вам клянусь: никакой политики,
это пейзажные стихи.)

Лети, щекочущее крошево, гладь лицо,
касайся волос.

Ты слышишь — всё кончено, всё кончено,
отпраздновалось, надорвалось.

Прощай, я пережил тебя, прости меня,
всё было так бело и черно,
Я прожил тут самое противное и вел себя,
в общем, ничего.

Снег, снег, в сумятицу спущусь твою,
пройдусь, покуда все еще спят, —
И главное, я чувствую, чувствую,
как моя жизнь пошла на спад.

Теперь бы и жить, чего проще-то,
довольно я ждал и горевал, —
Но ясно по наклону почерка,
что всё идет за перевал.

Кружится блестящее, плавное,
подобное веретену.
При мне свершилось тайное, главное,
до явного я не дотяну.

Счастье

Бессонница. Ночь фиолетова.
Но я еще насплюсь, насплюсь.
Всё вверх пойдет от снегопада этого,
а жизнь моя — на спуск, на спуск.

Нравится мне это испытание
на разрыв души моей самой.
Нравится мне это сочетание,
нравится до дрожи, Боже мой.

2.

Но почему-то очень часто
в припадке хмурого родства
Мне видится как образ счастья
твой мокрый пригород, Москва.
Дождливый вечер, вечно осень,
дворы в окурках и листве,
Уютно очень, грязно очень,
спокойно очень, как во сне.
Люблю названья этих станций,
их креозотный, теплый чад —
В них нету ветра дальних странствий,
они наречьями звучат,
Подобьем облака ночного
объяв бессонную Москву:
Как вы живете? Одинцово,
бескудниково я живу.
Поток натруженного люда
и безысходного труда,
И падать некуда оттуда,